

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ LXXXVI.

ПЬЕРЪ БЕНУА

ПОЛУНОЩНОЕ СОЛНЦЕ

РОМАНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГУ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ

**Эта книга напечатана
въ типографіи „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
Рига, Петроцерковная площ. 25-27.**

I

Моконсейль, главный директор Мукденскаго арсенала, взглянул на часы. Безъ десяти минутъ десять. Они приступили къ работѣ.

На письменномъ столѣ возвышалась груда папокъ, — Моконсейль просматривалъ ихъ содержимое, дѣлая изъ полей бумагъ помѣтки краснымъ карандашомъ.

На выбѣленныхъ стѣнахъ красовались большіе расцвѣченные чертежи, а надъ ними, на самомъ видномъ мѣстѣ висѣли портреты двухъ военачальниковъ перваго значенія: маршала Фоша и маршала Чжанъ-Цзо-Дини правителя Манчжуріи и командующаго арміями трехъ провинцій.

Подъ портретами маршаловъ висѣли портреты павшихъ героев, однокашниковъ Моконсейля по Военной Политехнической школѣ.

Около телефона большой календарь — пятница 19 марта 1926 года — день, избранный судьбой днемъ начала этого повѣствованія.

Свѣтъ проникалъ въ кабинетъ директора черезъ два большихъ окна; гардинъ на нихъ не было.

Правое окно выходило на дворъ арсенала, по которому катились, подталкиваемые рабочими вагонетки, нагруженные желѣзомъ.

Изъ второго окна открывался видъ на земляныя стѣны Мукденской крѣпости, надъ которыми кружились черныя вороны, и на старый манчжурскій городъ.

Моконсейль взял со стола телеграмму и внимательно перечиталъ ее.

И, снова взглянувъ на часы, онъ выразилъ свое нетерпѣніе. Двадцать минутъ одиннадцатаго! Время доклада? Онъ позвонилъ.

Въ кабинетъ вошелъ китаецъ и застылъ на порогѣ.

— Сіу, вы не видѣли господина Шмидта?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, — отвѣтилъ низко кланяясь Сіу.

— Не пошлете ли вы за нимъ? Должно быть, онъ находится въ испытательной лабораторіи пулеметнаго отдѣленія.

Но Сіу не успѣлъ выполнить приказанія начальника: въ комнату вошелъ Шмидтъ.

Директоръ административнаго отдѣла арсенала былъ на пятнадцать лѣтъ моложе своего шефа, но стремился казаться еще моложе.

Вотъ уже два года какъ онъ находился въ Мукденѣ. Онъ прибылъ сюда вмѣстѣ со своимъ шефомъ по предложенію манчжурскаго диктатора, обратившагося за содѣйствіемъ къ французскимъ инженерамъ и поручившаго послѣднимъ управленіе своимъ арсеналомъ. Въ октябрѣ 1925 года его коллега Фонтаниль, начальникъ технической службы арсенала и тоже воспитанникъ Политехнической школы, возвратился во Францію. Главный директоръ затребовалъ присылки замѣстителя, а до прибытія послѣдняго возложилъ управленіе технической службой на Шмидта. Обязанность эта была не изъ легкихъ, но Шмидтъ взялъ ее безъ особыхъ сожалѣній, — таково было свойство его характера.

Въ Мукденѣ его успѣхи у женщинъ были очевидны. Моконсейлю было пятьдесятъ восемь лѣтъ, Шмидту — около сорока. Первый былъ пуританскаго склада, второй — вполне свѣтскимъ человѣкомъ.

— Простите мнѣ мое опозданіе, — замѣтилъ Шмидтъ послѣ того, какъ китаецъ безшумно исчезъ.

— Это не имѣетъ значенія, — небрежно бросилъ Моконсейль. — Ничего новаго?

— Нѣтъ. Или вѣрнѣе, ничего особеннаго.

— Значитъ все въ порядкѣ?

— Будь мы во Франціи, — замѣтилъ Шмидтъ, — я не преминулъ бы сказать вамъ, что все обстоитъ очень скверно. Но по здѣшнему — все обстоитъ хорошо.

Моконсейль нахмурился.

— Я полагаю, основываясь на вашихъ словахъ, что мы закончимъ все къ 15 мая?

Шмидтъ притворился удивленнымъ.

— Къ 15 мая? А что такое 15 мая?

— Какъ что такое? Я полагаю, что отъ поры до времени вы могли бы заглядывать въ дневникъ работъ. 15 мая мы должны сдать манчжурской арміи шесть стодвадцатимиллиметровыхъ баттарей и болѣе двухсотъ пулеметовъ. Вчера меня почтили своимъ посѣщеніемъ генералъ Янгъ-Ю-Тингъ, начальникъ штаба маршала.

— Въ самомъ дѣлѣ, — повторилъ Шмидтъ, — вы вчера бесѣдовали съ генераломъ Янгъ-Ю-Тингомъ? Надѣюсь, вы воспользовались случаемъ и задали ему нѣсколько вопросовъ?

— О чемъ вы говорите?

— Во-первыхъ: какъ долго маршалъ собирается продержатъ въ тюрьмѣ начальника восточнаго участка желѣзной дороги товарища Иванова?

— Ивановъ арестованъ?

— Третьяго дня, о чемъ имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія. Я не хочу вдаваться въ обсужденіе причинъ, побудившихъ Чжанъ-Цзо-Лина арестовать виднаго совѣтскаго служащаго, но результатомъ этого явилась дезорганизация двухъ третей сѣти, потому что въ отвѣтъ на арестъ большевики объявили забастовку. А это въ свою очередь повлекло разстройство нашего снабженія.

Моконсейль стукнулъ по столу кулакомъ:

— Забастовало двѣ трети сѣти! Прервано снабженіе сырьемъ! И вы говорите, что все идетъ хорошо?!

— Я сказалъ: болѣе или менѣе хорошо! Но это еще не все!

— Что еще?

— Сегодня обнаружены поломки въ двухъ трамбовочныхъ машинахъ. Отдано распоряженіе объ ихъ ремонтѣ. Но на это уйдетъ три дня.

— Несчастный случай или саботажъ?

— Несомнѣнно саботажъ, — вѣжливо замѣтилъ Шмидтъ.

Моконсейль схватилъ телефонную трубку.

Шмидтъ остановилъ его движеніемъ руки.

— Я прошу васъ пока ничего не предпринимать. Вмѣсто того, чтобы взывать къ строгости и репрессіямъ, надо попытаться смягчить положеніе. Вотъ уже три дня, какъ намъ недостаетъ семи нашихъ рабочихъ изъ числа туземцевъ. По наведеннымъ справкамъ пятеро изъ нихъ сидятъ въ тюрьмахъ маршала, а въ отношеніи остальныхъ двухъ дѣло обстоитъ еще серьезнѣе — имъ пришлось познакомиться съ палачомъ. Я не могу оспаривать содѣяннаго ими: вѣроятно буйство, драка, а быть можетъ и попытка ограбить кого-нибудь. Маршалъ хочетъ, чтобы въ Мукденѣ царилъ порядокъ — это очень похвально, но прежде, чѣмъ прибѣгать къ репрессіямъ, его полиціи слѣдовало бы выяснять, не имѣетъ ли она дѣла съ нашими людьми.

Моконсейль воздѣлъ руки къ небу:

— Что за страна! Работать въ такихъ условіяхъ совершенно невозможно.

— Работать здѣсь труднѣе, чѣмъ во Франціи! Но я полагаю, что именно въ силу этого обстоятельства насъ и оплачиваютъ лучше, чѣмъ на родинѣ!

Директоръ взглянулъ на своего сотрудника.

— Это сужденіе дѣлаетъ вамъ честь, — сказалъ онъ сухо. — Надѣюсь, все будетъ закончено къ 15 мая?

— О, нѣтъ, — отвѣтилъ Шмидтъ.

— Но мы вѣдь обѣщали...

— Но что дѣлать, дорогой директоръ? Позвольте вамъ прежде всего напомнить о томъ, что обязательство, о которомъ идетъ рѣчь, восходитъ къ первому октябрю. А въ то время работами руководилъ Фонтаниль. Съ тѣхъ поръ измѣнилось многое. Онъ успѣлъ заболѣть, а потомъ уѣхалъ. Въ Парижѣ ему подыскивали замѣстителя въ тече-

не трех мѣсяцевъ, и замѣститель этотъ не прибылъ до сего времени. Я считаю своимъ долгомъ довести до ваше свѣдѣнiя, что если Форестье не прибѣдетъ сюда до 15 апрѣля, то я снимаю съ себя всякую отвѣтственность...

— Вотъ, удостовѣрьтесь, — сказалъ Моконсейль, протянуль Шмидту телеграмму. Лицо Шмидта прояснилось.

— Завтра! Форестье прїѣзжаетъ завтра? какимъ образомъ это...

— Прочтите телеграмму. Онъ пересѣлъ въ Шанхай съ пакетбота французскаго общества на японскiй пароходъ.

— Какъ это мило съ его стороны! Вѣдь онъ могъ остаться въ Шанхай на время стоянки. Но онъ понялъ, что мы находимся въ затруднительномъ положенiи, и поспѣшилъ къ намъ.

— Это въ порядкѣ вещей, — поддакнуль Моконсейль.

Снаружи донесся гудокъ, оповѣщавшiй рабочихъ о перерывѣ. Моконсейль нерѣшительно вертѣлъ въ рукахъ телеграмму Форестье, словно желая спросить о чемъ-то. Наконецъ онъ рѣшился.

— Дорогой другъ, я хочу спросить васъ кое-о чемъ.

— Я слушаю.

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы сообщили мнѣ все, что вамъ извѣстно о Форестье.

Шмидтъ подавилъ улыбку. Вотъ уже въ двадцать разъ со времени назначенiя Форестье его шефъ осведомлялся о немъ. Но вѣсть о прїѣздѣ Форестье настроила Шмидта на самый благопрiятный ладъ, и онъ отвѣтилъ:

— Мнѣ извѣстно о немъ очень немного.

— А именно? Вѣдь, если я не ошибаюсь, онъ одною съ вами выпуска?

— Да.

— Значить, ему около сорока пяти лѣтъ. Досадно, что у насъ не имѣется здѣсь справочника школы.

— Форестье на два года старше меня, — послѣднее уточнить Шмидтъ, оберегавшiй свои года отъ возможныхъ преувеличенiй.

— Онъ, кажется, руководилъ въ Россіи заводомъ?

— Да. Послѣ окончанія школы онъ работалъ въ качествѣ горнаго инженера на Уралѣ. Во время войны онъ служилъ въ артиллеріи, былъ раненъ и произведенъ въ чинъ капитана. Послѣ раненія онъ былъ направленъ въ Россію, гдѣ и работалъ на оборону. Тамъ его застала революція. Во Францію онъ вернулся лишь два года спустя послѣ заключенія мира.

— Должно быть это были не особенно легкіе годы для него?

— Надо полагать, что такъ.

Мгновенно собесѣдники молчали. Моконсейль порылся въ бумагахъ и нашелъ то, что искалъ, — тетрадь въ синей обложкѣ:

— На дняхъ я читалъ въ „Металлургическомъ обозрѣніи“ статью, подписанную Форестье. То была статья первостепенной важности. Вы слышите, первостепенной важности! Форестье разрабатываетъ малоизученную проблему добычи ураніума. До сихъ поръ это было монополией американцевъ, а теперь Форестье удалось приподнять краешекъ завѣсы. Это ясно каждому, кто умѣетъ читать между строкъ. Разумѣется, онъ не станетъ объ этомъ кричать на всѣхъ перекресткахъ.

— Онъ никогда не слыгъ болтуномъ, — пробормоталъ Шмидтъ.

— И онъ правъ. Въ нашемъ ремеслѣ, особенно когда приходится работать въ такой странѣ, скрытность самое большое достоинство. Я надѣюсь, что это не единственное качество Форестье.

— На своемъ заводѣ въ Россіи онъ отлично преуспѣвалъ, — замѣтилъ Шмидтъ, плохо скрывая подъ личиною вѣжливости желаніе удалиться.

— Онъ знакомъ съ условіями работы въ остальныхъ странахъ. Я увѣренъ, что его сотрудничество съ нами...

Шмидтъ поднялся, но Моконсейль движеніемъ руки остановилъ его.

— Вы давно не встрѣчались съ нимъ?

— Господи, да вѣдь я уже два годѣ какъ живу здѣсь...

— Я знаю, знаю. Но раньше?

— Въ послѣдній разъ я его видѣлъ за три или четыре мѣсяца до моего отъѣзда. Мы встрѣтились на банкетѣ инженеровъ.

— На банкетѣ, — повторилъ Моконсейль.

— Люди, знающіе его лучше меня, были удивлены его появленію, потому что онъ не принадлежитъ къ числу поклонниковъ подобнаго времяпрепровожденія.

— И вы ничего особеннаго за нимъ не замѣтили во время банкета?

— Право, я не знаю...

— Напримѣръ, въ манерахъ, въ его привычкахъ?

Шмидтъ окинулъ своего шефа холоднымъ взглядомъ.

— Господинъ директоръ, быть можетъ вы сочтете возможнымъ быть болѣе откровеннымъ со мною?

Моконсейль почувствовалъ себя нѣсколько неловко.

— Прошу извиненія, въ самомъ дѣлѣ вы правы. Но то, о чемъ я говорю съ вами, не подлежитъ оглашенію, и я рассчитываю на вашу скромность. Дѣло вотъ въ чемъ: за телеграммой, извѣщающей насъ о назначеніи Форестье къ намъ въ Мукденъ, послѣдовало письмо большой важности. Въ письмѣ изъ Парижа отмѣчаютъ его опытъ, тековость, способности... право, отзывы о немъ очень лестные... Но во всемъ этомъ имѣется маленькій диссонансъ. Можно предположить... но вы клянетесь не болтать объ этомъ?.. что нашъ коллега предрасположенъ къ алкоголю.

Шмидтъ подскочилъ на мѣстѣ.

— Въ нашихъ документахъ имѣется подобнаго рода замѣчанія?

Моконсейль смутился.

— О, это возможно только въ видѣ исключенія. Но войдите въ наше положеніе. Мы должны быть освѣдомлены обо всемъ. Особенно находясь я долженъ быть насторожѣнъ. Вы только подумайте: **нѣкій подитехникъ**, развѣ это не чудовищно?

— Если это правда, то это дѣйствительно не особенно приятно, — согласился Шмидтъ. — Но **вѣдь** очень возможно, что это клевета. А затѣмъ — можно пить и пить.

Пьютъ по разному. Долженъ заявить открыто, я не прихожу въ ужасъ отъ одного лишняго коктейля или бутылки шампанскаго.

— Увы! — вздохнулъ Моконсейль. — Я былъ бы радъ, если бы Форестье пилъ не больше, чѣмъ вы, потому что вы сейчасъ клеветали на себя. Но приходится опасаться худшаго. Предположимъ на мгновенье, что наши опасенія обоснованы. Вамъ предстоитъ проводить досугъ въ обществѣ Форестье, вы будете жить съ нимъ подъ одной крышей, — когда вы убѣдитесь въ томъ, что опасенія наши правильны, я попрошу васъ оказать благотворное вліяніе на вашего коллегу... Для насъ это вопросъ чести. Живя въ окруженіи иностранцевъ...

Шмидтъ усмѣхнулся.

— Иностранцы? Въ Мукденѣ, въ клубѣ представлены всѣ націи. Долженъ ли я вамъ сообщить, что каждый Божій вечеръ, задолго до полуночи англичане, русскіе и американцы напиваются въ стельку? Лишь мы и японцы еще держимся...

— Тѣмъ больше оснований слѣдить за нимъ, — внушительно замѣтилъ Моконсейль. — Но я цѣликомъ доверяюсь вамъ. Я знаю, вы призываете меня на помощь лишь въ минуту крайней нужды...

Шмидтъ покачалъ головой: эта бесѣда тяготила его.

— Все это очень хорошо. Если во всемъ этомъ сообщеніи есть хоть крупинка истины, то я принимаю на себя извѣстную отвѣтственность.

— Выражаю вамъ заранѣе свою благодарность, — въско замѣтилъ Моконсейль. — Но пора завтракать. Все готово къ приему Форестье?

— Нѣтъ. Мы ожидали его прибытія нѣсколько поздне.

— Въ такомъ случаѣ займитесь послѣ обѣда приготовлениями къ завтраку. Я бы хотѣлъ, чтобы первое его впечатлѣніе было благопріятнымъ. Поѣздъ изъ Дальняго прибываетъ завтра въ половинѣ восьмого утра. Вы будете на вокзалѣ?

— Разумѣется, — отвѣтилъ Шмидтъ.